

Ирина Сергеевна Шатырёнок

Прощальные слова.

Памяти литературного критика Валентины Локун

В мае 2019 г., собирая материал для сборника воспоминаний, я не могла оставить без внимания «Прощальные слова» Ирины Шатырёнок. Знала, что они с Валентиной Ивановной ни разу не встречались, но часто переписывались и перезванивались, обменивались мнениями. На моё предложение стать соавтором сборника воспоминаний о Валентине Локун Ирина Сергеевна сразу дала положительный ответ:

«Спасибо, Валентина Адамовна, за предложение. С Валентиной Ивановной мы переписывались-перезванивались, всегда была рада с ней посоветоваться, что-то спросить, уточнить, сравнить свои оценки и услышать её профессиональное мнение, слово строгого критика, литературоведа, человека отменного вкуса, воспитанного на лучших образцах русской классической школы. Мы часто с ней совпадали во взглядах на современный литературный процесс.

Иногда звоню её брату Василию Ивановичу. По моей статье «Девушка из Канады по имени Джулия», её прадедушка эмигрировал в начале XX века в Канаду, спрашивала о своих корнях. Как могла — помогла.

Очень много пишу и публикуюсь, почти не перечитываю свои работы, думаю, в статье «Прощальные слова» не надо ничего корректировать. То, что написано под первым впечатлением, обычно несёт в себе искренние чувства и теплоту.

Для белорусской современной литературы преждевременный уход Валентины Ивановны Локун — настоящая утрата. Спасибо вам за память о вашей талантливой землячке и за будущий сборник, посвящённый светлomu, мужественному, радостному и честному человеку. Несмотря на свои болезни и проблемы, у Валентины Ивановны в течение всей трудной жизни оставалась неизменная точка опоры — литература. Она помогла ей справляться с печальными обстоятельствами бытия».

К сожалению, а может к счастью, моя творческая биография не несёт на себе советских официальных отметин: не состояла, не была, не замечена... в общественных писательских объединениях прошлого формата. Наверное, поэтому мне трудно сравнивать литературную среду тогда и сегодня, но кое-какой опыт имеется, прежде всего, это личные отношения между писателями.

Свой отсчёт пребывания в литературной среде веду с начала нулевых годов нового столетия. Для писателя-новичка много значит поиск единомышленников, контакты с опытными критиками, писателями, взаимоотношения с редакциями, издательствами, литературная учёба, которой, увы, нет, самообразование, диалогичность статей, выступления, общение не только с писательской средой, но и с окружающим миром, с читательской аудиторией, встречи в библиотеках, т.е. всё то, что составляет писательский быт и бытие, что определяет писателя как личность и наполняет творчество смыслом.

Со своими рукописями, первыми книгами была полна сомнений и тревог, металась, преодолевала комплексы, знакомилась со столичными литераторами, была внимательна к их словам, искала поддержки и не находила, рассчитывала на понимание и отклики критиков, какое-то время переключилась на чтение толстых журналов, особенно московских, навёрстывая упущенное. Одним словом, мои поиски ответов на мучившие меня вопросы о переменах в современной отечественной литературе напоминали тщетные блуждания странника, забредшего в чужой и тёмный лес, полный тайных знаний и неожиданностей.

Моё ученичество продолжается и сегодня, чего нисколько не стесняюсь. Результатом тех блужданий стали публикации моих критических эссе, публицистических

набросков, рецензий, статьи в СМИ, рассуждения на интернет-порталах о проблемах нашей литературы. Сейчас уже и не вспомню, как судьба свела меня с литературоведом из Пинска Валентиной Ивановной Локун. Мне понравились её обстоятельные, вдумчивые критические статьи о писателях-современниках, воспоминания о наставниках, подробные рецензии. Мы начали переписываться по интернету, созваниваться, обмениваться впечатлениями о той или иной книге. Для себя в лице Валентины Ивановны я нашла мудрого наставника и доброго друга, советчицу. Думаю, обмен наш был неравнозначный, я больше нуждалась в Валентине Ивановне, чем она во мне, но она всегда оставалась деликатной, отвечала на мои письма, извинялась, если возникала задержка в несколько дней.

Для меня её толковые, рассудительные, неоднозначные письма в молчаливом вакууме литературного социума были спасительными ориентирами, с её помощью можно было двигаться более уверенно. Нас объединяла единственная тема — современная белорусская литература, её пути развития, прогнозы и оценки — спорили, не без того, но и прислушивались друг к другу. Общение с Валентиной Ивановной, её сдержанность, разумные советы, предостережения меня от ошибок и опрометчивых шагов в литературе очень помогли. Она находилась в курсе всех книжных новинок, новостей, а также скрытой закулисной литературной жизни, не была комплиментарным критиком, скорее жёстким и справедливым. Мы любили одних писателей, в частности И. Бунина. Когда наши отношения потеплели, я осмелилась послать ей свои книги. Она их читала, делала мне замечания, но чаще хвалила.

Тогда я ещё не знала, что Валентина Ивановна с детства тяжело болеет, твёрдый характер помогал держать недуг в узде. Болезнь не помешала ей окончить школу с золотой медалью, потом филфак Брестского института, она успешно защитила кандидатскую диссертацию по теме: «Проблемы стиля белорусской военной прозы». (На материале творчества В. Быкова, Б. Саченко, И. Чигринова). Последняя её монография уровня докторской диссертации «Василь Быкаў у кантэксце сусветнай літаратуры» по многим причинам осталась не защищённой.

Есть у меня одна скверная привычка, от которой почти избавилась: спешно делюсь с другими черновыми набросками будущих статей. Меня так переполняют в тот момент эмоции, что хочется непременно и в сей момент рассказать о своих чувствах и переживаниях, для меня критические заметки о чужом творчестве — такое же творчество, вольная интерпретация, моё видение и толкование мира художника, его героев. За мою торопливость и небрежность Валентина Ивановна мне часто выговаривала:

«...Хотя, если позволите, я хочу сказать ещё следующее. В вашем тексте уж слишком много описок. Обычных технических описок. Они отвлекают от содержания и даже раздражают. Хотелось бы, чтобы вы на заключительном этапе всё-таки обращали и на это внимание. Мы, конечно, все не без греха в этом отношении, но надо всё-таки в себе находить силы для последнего, корректорского прочтения своего труда. Мой когда-тошний учитель профессор Д. Бугаёв (и я очень благодарна ему за это) был очень требовательным в этом плане. Он просто не читал тексты, которые были плохо оформлены. Он внушал мне, что над текстом нужно работать бесконечно много. От этого текст только выигрывает. Извините меня. Успехов вам. Валентина Локун. 15.01.2014».

Конечно, моей радости не было предела — обретение в литературной среде дружественного участника, товарища, единомышленника большого стоит.

Нам всем, пишущим и публикуемым авторам, так не хватает сегодня оценки не только читателей, но и внимания современных критиков. Многие писатели, к сожалению, достойно не оценены, а это считай — забвение при жизни. Как узнать, сравнить, где ты, кто ты, на каком небе, куда двигаться и есть ли у тебя вообще творческое движение, что было вчера и что сегодня, кто сравнит, отметит? Цех немногочисленных критиков отмалчивается.

На презентациях новых книг ещё можно услышать традиционные критические замечания, но часто слова, сказанные в библиотеке, так и остаются тихим эхом в читальных залах. Мне посчастливилось: о моей книге В. Локун прислала короткий отзыв, за что признательна ей и благодарна:

«К сожалению, я не читала все книги, изданные писателем И. Шатырёнок. Сейчас на моём рабочем столе её сборник прозы „Бедная-богатая Валентина“. Прежде всего, хочу отметить стиль её произведений. Писательница владеет удивительным даром письма. Её слово легко и изячно, в чём-то даже музыкально, сродни тургеневскому. Оно диалогично и многоголосно. Писательница пишет о времени, в котором живёт сама. Она обладает удивительным талантом отображать атмосферу этого времени, отображать как-то по-своему, изнутри. Но вместе с тем, объёмно и многомерно. Характерно и то, что её тексты не дидактичны, а герои не заидеологизированы. Это, как правило, живые реальные люди, которые хотят любить, страдать, мечтать, трудиться, приносить пользу людям. Но в этой кажущейся простоте и сокрыта главная философия жизни. Истинной жизни человека.

Хочу отметить Ирину Шатырёнок и как критика. Хотя она такой себя категорически не считает. В этом плане я знаю её немножко больше, чем прозаика. Её суждения о литературе, об отдельном произведении писателя всегда очень аналитичны. Она умеет „расчленивать“ произведение по частям с тем, чтобы потом прийти к некой обязательной тезе, очень важной для себя и читателя. В отличие от художественной прозы, в критике И. Шатырёнок очень эмоциональна, непримирима, публицистична. Всё это говорит о том, что Ирина Шатырёнок человек в литературе не случайный. Ей за всё болит, и за литературу в целом, и за каждого писателя отдельно.

Ирина Сергеевна, природа наделила Вас огромным писательским талантом, талантом публициста — успехов Вам во всех Ваших начинаниях. Валентина Локун, кандидат филологических наук, 12.03.2014».

Моё вечное занудство и придирки к организации конкурсов она терпеливо выслушивала.

«И ещё одно моё наблюдение. В конкурсе „Золотой купидон“ (неудачное название, этот эрос и вечное желание меньше всего связаны с литературой) есть номинации „Критика и литературоведение“ и „Публицистика“. (Речь идёт о новой монографии Н. Микулича, посвящённой творчеству Максима Танка.) В этом году два замечательных учёных И. Саверченко и Н. Микулич разыграли эти номинации. Считаю, что за спинами уважаемых учёных, издающих монографии, критикам и публицистам ничего не светит. Должна быть номинация «Литературоведение» в чистом виде, и пусть учёные между собой выбирают. Всё-таки публицистика и настоящая критика связаны с днём сегодняшним, и авторы-критики должны быть представлены не только положительными рецензиями, но и проблемными статьями. Мне кажется, любой средней руки филолог разберётся, что монография учёного меньше всего относится к критике или к публицистике. Но это сугубо моё личное мнение, которое никому не нужно. Здоровья вам и всех благ. Ирина, 5.9.2013».

Получила такой ответ:

«Ирина Сергеевна! Совершенно с вами согласна в отношении „Золотого купидона“. Публицистику нельзя смешивать с литературоведением и критикой, хотя у нас, как правило, критикой занимаются литературоведы по профессии. Серьёзных „чистых“ критиков я не знаю, за исключением разве что нескольких молодых имён. Это должны быть разные номинации. Но это в принципе. Что касается конкретно работы Н. Микулича, то его книга заслуживает награды, хотя, может быть, она не столько публицистическая, сколько литературоведческая. Я лично знакома с Николаем Владимировичем, знаю его творчество, более того, рецензировала эту книгу в «Нёмане». Это книга новаторская по форме и очень богатая по содержанию. Поверьте, это без преувеличения. Я не знаю других книг, номинированных в этом году, но книга Н. Микулича

заслуженно получила премию. Я рада за этого учёного и человека (который, кстати, на данный момент оказался в очень сложной жизненной ситуации).

Ирина Сергеевна, что я хочу вам пожелать? Прежде всего побольше людей, близких вам по духу. Они у вас есть, и радуйтесь этому. И слава Богу, что такие люди ещё встречаются. Вам повезло. Творческих вам успехов и здоровья. Пишите, если надумаетесь. 7.09.2013. Валентина Локун».

Валентина Ивановна была не только большим профессионалом в литературоведении, но и человеком опытным, искущённым, тонко разбиралась в людях и литературной среде, по-доброму предупреждала меня, где не стоит ходить кривыми и запутанными дорожками нашей литературы, в чём воздержаться, сделать паузу.

Моё видение некоторых вопросов в произведениях современных белорусских авторов вызвало споры и даже неприятие моей позиции, в частности, по повести А. Федоренко «Дикий луг». Кто только о ней не писал, хор большинства положительных отзывов не совпадал с моим разбором и эстетическим опытом, ну и что, нормальное явление. Мои письма были подробными, аргументированными, я искала в Валентине Ивановне единомышленника.

«...Вся народная масса в повести настолько обезличена, что как раз ей А. Федоренко нашёл очень много множественных имён. Не поленилась посчитать.

„Мужчыны, жанкі, малыя, людзі, дзеці, бабы, старыя, падлеткі, між людзей, у мясцовага люду, народ, касцы, усе, яны, бацькі, хлопцы“.

Такой получился коллективный, огромный и невыразительный народный портрет. Но автору и этого мало, он несколько раз подчёркивает единство алгоритма поведения этой невыразительной, необразованной рабочей массы... Одинаковость движений, массовая похожесть, единообразие, наверное, хороши у пчёл, муравьёв, этих запрограммированных насекомых колоний. Может, и наш автор увидел в этой слаженности людской массы какие-то свои законы, например, выживания.

Хотя, нет. По автору, его деревня движется запрограммировано, всё рассчитано на вымирание, деградацию и уничтожение. Тому подтверждение повествование — пьянство, ранние смерти, несчастья (их очень много в одном месте, для одной деревни, слишком повышенная концентрация?!) и закономерное движение вниз, вниз, вниз. Но всегда ли желание автора закономерно для творчества, совпадает ли его логика с логикой произведения? В отдельно придуманной реальности писателя, наверное, да, но как же тогда быть с нашей действительностью, или автору позволительно всё? Где мера и должна ли она быть.

Там, где правда творчества продолжает правду жизни, всё закономерно, там жив дух народа, его традиции, чаяния, ожидания, надежды, пусть даже самые трагические и запредельные. Но если правда писателя вырастает только из его искажённого отражения, оставим за рамками причины, порой болезненного, воспалённого, необъективного, которое он навязывает читателю, как быть? Не искажение ли это правды жизни? Для меня, например, важна красота, подъём духа над обыденностью, идеалы, я ищу в книгах красоту слова, которой владеют немногие, и там, где её мало или совсем нет, автор прячется за диалоги, начинается много-много разговоров, часто пустых...».

Валентина Ивановна не принимала моей стороны правдоруба, держалась традиционной линии, и по-своему была права. Наши споры накалялись, но всё оставалось в рамках литературной дискуссии. Она выслушивала меня, я платила тем же, шло взаимное обогащение.

«... Далее. Я не думаю, чтобы редакция специально подбирала под Вас статью о Федоренко. Хотя, может, и так. Допустим. Но в этом я тоже не вижу ничего плохого. Все мы имеем право высказать своё мнение о том или ином авторе, об отдельном произведении какого-то автора. Я очень уважительно отношусь к творчеству А. Федоренко и до сих пор считаю его повесть „Вёска“ одной из лучших в его творчестве. Я до двадцати пяти лет жила в деревне. Там родилась и выросла.

Концептуально А. Федоренко правильно решает проблему деревни. Поддерживаю его концепцию в „Диком луге“. Старая деревня исчезает физически или деградирует духовно. Ей на смену приходят агрогородки. Но это уже абсолютно другая деревня, да и не деревня это уже. Другие люди живут и работают там. Это прискорбно, но, к сожалению, это так! Конечно, А. Федоренко утрирует некоторые положения, но по сути он прав, моя родная деревня тоже вымирает, уходит как Атлантида, и спасти её уже нельзя. Вы очень лично воспринимаете литературу, отсюда и эмоции, которые не дают Вам спокойно жить. Кстати, вернёмся к литературе. Вы вспомните, как писал И. Шамякин о деревне 50-х годов. Перечитайте его роман „Крыніцы“ (1957). Разве это соответствовало действительности? Понимаете, правда жизни и правда литературы, они не всегда соответствовали друг другу. Но, вместе с тем, есть какая-то черта, через которую литература, настоящая литература, переступить не должна. Так вот ни тогда И. Шамякин, ни теперь А. Федоренко эту черту не переступили. Они имеют право на своё видение предмета. Мы можем соглашаться или не соглашаться, но отвергать такие произведения и лишать права голоса их авторов, я считаю, нельзя. Время, когда литература писалась под диктовку „идеологии“, кануло в Лету.

Знаете, Ирина Сергеевна, я главным образом литературовед и меньше всего критик. Меня больше интересуют общие тенденции развития литературы, её особенности, а уже индивидуально-конкретные её проявления — это, конечно, важно, но я их воспринимаю абсолютно спокойно. Только, чтобы не было непристойностей и гадостей, т. е. не-литературы. Вот и всё. Успехов Вам в Вашем творчестве. Валентина Локун 24.07.2013».

Запоздало, простите меня, дорогая Валентина Ивановна, но у меня всё превращается в предмет литературы, такой желанный соблазн! Даже наша многолетняя переписка. Как в той волшебной сказке «Золотая антилопа», где герои прикасаются ко всему и всё превращается в золото. У меня — в литературу.

В последнее время мне приходилось чаще звонить Валентине Ивановне, нежели писать, хотела услышать её голос, поговорить о чём-то срочном и важном. После объявления осенью 2015 года Нобелевским комитетом о присуждении премии С. Алексеевич литературовед попросила меня узнать, есть ли в продаже в книжных магазинах Гродно последняя книга писательницы «Время секунд-хенд», ей не терпелось познакомиться с книгой новоиспечённого нобелиата, издание буквально исчезло из продажи в Гродно, как и в Пинске, и в других городах Беларуси.

В апреле Press Club Belarus планировал в Пинске мастер-класс с участием С. Алексеевич, по этому поводу мы снова пообщались по телефону, поговорили о творчестве знаменитой писательницы, но Светлана Алексеевич по каким-то причинам не смогла приехать в Пинск.

Бывает так, люди многие годы работают в одном офисе, а по существу не знают друг друга. Я лично не была знакома с Валентиной Ивановной, хотя собиралась в Пинск, но наша переписка сделала своё доброе дело — в литературе я обрела старшую подругу, с ней можно было советоваться, доверять ей свои мысли, тревоги, искать поддержки. Слово умеет объединять.

Валентина Ивановна никогда не жаловалась на здоровье, была приветлива, бодра, терпелива, до последнего много читала, оставалась верна своим старым литературным привязанностям. Если бы знать... Если бы знала, как Валентине Ивановне тяжело переносить невзгоды жизни, ежечасно бороться со старым недугом, что приковал её к постели, наверное, по-другому бы к ней относилась, щадяще что ли, писала бы не то и не о том, и даже попросила прощения, что отвлекала её дорогое внимание к своей персоне.

В последнем письме-поздравлении она суеверно осторожничала, не договаривала:

«Ирина Сергеевна, спасибо вам за поздравления и память обо мне. Сейчас я, к сожалению, не занимаюсь творчеством, так сложились обстоятельства. А как будет

дальше — загадывать не хочу. С наступающим вас Новым годом! Здоровья вам и творческих успехов! Валентина Локун. 31.12.2015».

...Мы все остались здесь со своими нерешёнными проблемами, тревогами и радостями, а вы, дорогая наша Валентина Ивановна — уже там, в другом измерении, в недостижимых небесных пределах, освободились от земных тягот и мук.

Всё тлен и прах. Всё растворится, исчезнет в небытии. Может, одно Слово, искреннее и живое, в состоянии одолеть запредельность вечности, оставаясь чистым и честным в надмирных высотах. В последней надежде посылаю вам своё прощальное слово благодарности, кто знает, может, дойдёт — как хорошо, что вы были и останетесь в моём сердце!

P.S. 24 июня текущего года прочитала в газете «ЛіМ» соболезнование председателя Брестского отделения ОО СПБ Анатолия Крейдича «Ад яе сыходзіла толькі светлыня. Не стала літаратурнага крытыка Валянціны Локун».

г. Гродно, август 2016 г.